

⁶⁹Сергеевич В.И. Лекции и исследования. СПб., 1883. С. 609; Па х м а н С.В. Указ. соч. Т. 1. С. 392-393; Филиппов А.Н. Сперанский как кодификатор русского права // Голос минувшего. Т. 10. 1892. С. 205; Виленский Б.В. Лекции по истории государства и права СССР. Саратов, 1985. С. 149.

⁷⁰Виленский Б.В. Подготовка судебной реформы. С. 65-66; Коротких В.Г. Указ. соч. С. 4.

© 2001 г. **И.В. ЗИМИН***

МЕДИКИ И САМОДЕРЖЦЫ: ЗАГАДКА СМЕРТИ НИКОЛАЯ!

Тридцатилетнее правление Николая I стало эпохой в истории России. Здоровье и энергия императора казались современникам несокрушимыми. Поэтому его внезапная смерть 18 февраля 1855 г., в разгар Крымской войны, стала совершенно неожиданной не только для народа, но и для его ближайшего окружения. Все это породило необычайно устойчивую легенду о завуалированном самоубийстве императора. Надо заметить, что эта легенда подтверждается в основном мемуарными источниками, написанными и опубликованными спустя много лет после 1855 г. Поэтому вопрос о смерти Николая I, как и загадка гибели царевича Дмитрия в Угличе в 1591 г., видимо, навсегда останется одной из тайн нашей истории. Но, приводя данные официальных и мемуарных источников, автор предоставляет читателям, в том числе и медикам, возможность составить собственное мнение о ходе болезни и причинах смерти императора Николая I.

Надо сказать, что его заболевания носили обычный возрастной характер и серьезно не сказывались на состоянии царского здоровья. В последние годы Николай Павлович вел подчеркнуто аскетический образ жизни. Питался умеренно, спал на походной койке, стоявшей за ширмой в его кабинете в Зимнем дворце, укрывался шинелью. Упоминания о его недомоганиях немногочисленны. Например, безусловно хорошо информированный начальник штаба Отдельного корпуса жандармов и управляющий III отделением императорской канцелярии Л.В. Дубельт записал в дневнике 13 января 1854 г.: "Его величество страдает ногою и лежит в постели. Мандт говорит, что у него рожа, а другие утверждают, что это подагра"¹. Через неделю он отметил, что болезнь пошла на убыль и царь уже прогуливается. В воспоминаниях фрейлины А.Ф. Тютчевой упоминается ее разговор с императором, состоявшийся 7 декабря 1854 г.: «Он подошел ко мне и спросил, почему вид у меня больной. Я ответила, что у меня болит спина. "У меня тоже, - сказал он, - для лечения я растираю себе спину льдом и советую вам делать то же"². Медики регулярно контролировали состояние здоровья императора. По воспоминаниям И. Соколова, который был ассистентом лейб-медика Н. Арндта, они "обязаны были являться к государю к 7-8 часам утра, когда приготавливали чай или кофе, и в это время обыкновенно завязывался не служебный, а простой разговор"³.

События февраля 1855 г. зафиксированы во множестве мемуарных свидетельств. Их сопоставление позволяет не только выявить разногласия мнений, но и уточнить ряд весьма существенных деталей. Поскольку общество было взбудоражено внезапной смертью императора, то уже через несколько дней после его кончины, 24 февраля, в петербургских газетах было опубликовано ее полухудожественное описание под заголовком "Последние минуты в Бозе почившего императора Николая Павло-

***Зимин Игорь Викторович**, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова.

вича". Официальная же версия событий, насыщенная медицинскими подробностями, была опубликована 26 февраля под заголовком "Описание хода болезни в Бозе почившего императора Николая Павловича". Только из этих тщательно отредактированных источников мы и можем узнать сегодня все подробности, связанные с развитием болезни и смертью императора. "Описание хода болезни" было составлено по распоряжению министра императорского двора графа В.Ф. Адлерберга литератором В.И. Панаевым. В основу статьи были положены сведения, полученные "от доктора Мандта, который сидел в своей квартире в Зимнем дворце, не смея показаться на улице"⁴. Ему помогал врач цесаревича И. Енохин. На составление двухстраничной статьи они потратили два часа.

В петербургских архивах автору этих строк не удалось обнаружить никаких важных медицинских документов, связанных с событиями февраля 1855 г. Видимо, их и не было, хотя в одном из фондов хранятся протоколы вскрытия императоров Александра II и Александра III, великих князей и княгинь. Само отсутствие подобных документов, достаточно многочисленных в других случаях, косвенно свидетельствует в пользу версии о самоубийстве Николая I.

Недомогание императора началось в конце января 1855 г. Впоследствии в газетных отчетах указывалась дата начала болезни - 27 января 1855 г.⁵ Она зафиксирована и в дневнике Л.В. Дубельта, который записал в день кончины императора: "27-го января он заболел гриппом, но продолжал по обыкновению неумоимо заниматься государственными делами". Таким образом, поначалу речь шла об обычной простуде, перешедшей в "легкий грипп", причем отмечалось, что эпидемия гриппа затронула тогда весь город.

Среди дневниковых записей об обстоятельствах смерти царя особый интерес представляет "Записка графа П.Д. Киселева о последних днях жизни и смерти Николая I", написанная 18 февраля 1855 г. В ней указывается, что "31 января государь кашлял изредка и жаловался на спинную боль"⁶. 4 февраля ночью он "почувствовал некоторое стеснение в груди, род одышки. Исследование показало весьма сильный упадок деятельности в верхней доле левого легкого. Вместе с тем открыто, что нижняя доля правого легкого поражена гриппом. Лихорадки не было, а пульс совершенно натуральный. Государь оставался дома, соблюдая строгую диету. Вечером того дня дыхание сделалось гораздо свободнее; припадки, означавшие страдание оною, почти исчезли"⁷.

Болезнь, несмотря на усилия медиков, продолжала развиваться, и, по словам Киселева, 2 февраля император уже не выходил из своего кабинета. Однако деятельная натура Николая, отсутствие привычки болеть и чувство долга заставляли его пренебрегать своим здоровьем, и в четверг 4 февраля он, "несмотря на уговоры докторов Мандта и Кареля, отбыл для прощания с маршевым гвардейским батальоном". "По возвращении государь почувствовал лихорадочный приступ, в ночь или на другой день, т.е. в Троицу, он жаловался на тупую боль в боку..., кашлял и с трудом освободился от мокрот". Как пишет Е.В. Тарле, именно в этот день к вечеру в Зимнем дворце впервые прошел слух о том, что у государя легкий грипп и врачи настаивали на необходимости отказать от выездов из дома (скорее всего П.Д. Киселев смешал здесь два события: распространение слухов о болезни императора и его поездку на проводы маршевых батальонов, которая состоялась только 9 февраля 1855 г.)

5 и 6 февраля 1855 г. Николай Павлович почувствовал себя немного лучше, но кашель не прекращался. Император оставался дома, продолжая соблюдать строгую диету. В таком состоянии он находился и в последующие дни - 7 и 8 февраля. С 8 февраля к наблюдению за больным присоединился лейб-медик Ф.Я. Карель, Согласно официальной версии, здоровье царя пошло на поправку, и 9 февраля он почувствовал себя настолько хорошо, что решил принять участие в смотре нескольких маршевых лейб-гвардейских батальонов, отправившихся в Крым. В медицинских отчетах о болезни императора, появившихся во всех газетах 24 и 26 февраля 1855 г., отмечается, что лейб-медик Карель активно убеждал Николая I остаться дома

из-за продолжавшейся болезни и сильного мороза, однако император не внял его советам и в результате по возвращении "стал кашлять еще сильнее, но кушал еще с большим аппетитом"⁸. Е.В. Тарле уточняет, что, по воспоминаниям современников, царь, несмотря на мороз, приказал подать себе легкий плащ и в открытых санях поехал в Манеж.

10 февраля Николай Павлович последний раз покинул Зимний дворец, вновь отправившись на строевой смотр. В результате к концу дня при слабых "подагрических припадках" обнаружилась лихорадка. Несколько дней состояние его здоровья изменялось то к худшему, то к лучшему. "10-го числа оба (лейб-медики Мандт и Карель. — *И.З.*) мне сказали, что болезнь серьезная, но что прямой опасности нет", - записал П.Д. Киселев.

11 февраля император собирался с утра быть в церкви, но медикам удалось настоять на постельном режиме. Врачи отметили озноб, а затем сильный лихорадочный жар. Вечером появилась испарина, "и в течение ночи припадки уменьшились. Язык, однако, был нечист, и оказалась чувствительность в печени". Начиная с 12 февраля все мемуаристы фиксируют обвальный характер развития болезни императора. Около обеда начинается вновь озноб, а затем "лихорадочный жар". Император впервые в течение всего дня остается в постели. "Вечером оказался пот, и как язык стал несколько чище, то по ходу болезни можно было ожидать простой перемежающейся лихорадки с желудочным расстройством"¹⁰.

В исторической литературе подчеркивается, что фатальную роль в развитии болезни Николая I сыграло известие о неудаче русских войск в "деле под Евпаторией". Царь жил "от курьера до курьера" и тяжело переживал неудачи в Крыму. "Факт был несомненный: Николай Павлович умирал от горя, и именно от русского горя. Это умирание не имело признаков физической болезни, - она пришла только в последнюю минуту, - но умирание происходило в виде несомненного преобладания душевных страданий над его физическим существом", - писал кн. В.П. Мещерский¹¹.

13 и 14 февраля лихорадка продолжалась. Император почти не спал, однако "явился аппетит выкушать слабого чаю. Ни малейшей головной боли, как и прежде, не было, чувствительность в печени исчезла"¹². На следующий день "извержение грудных мокрот оказалось смешанным несколько с кровью, но совершенно свободное, а нижняя доля правого легкого - более страждущею. Вечером его величество жаловался на подагрическую боль в большом пальце на ноге; язык был влажен, но чище; голова все свежа и без боли". 16 февраля медики отметили жалобы больного на сильную боль в "задних реберных мускулах с правой стороны". Лихорадка была умеренной, и ночь император провел почти спокойно. К вечеру боли в спине стихли, "но нижняя доля правого легкого оставалась заметно пораженною; появилось биение сердца, какое и прежде бывало у его величества; пульс мягкий и неполный". С 17 февраля лихорадка усилилась. В этот день для медиков, как следует из официальных документов, стала очевидной вероятность летального исхода. Утром у Николая Павловича начался "легкий бред". "К полудню августейший больной внезапно почувствовал сильное колотье в левой стороне груди, в том месте, где лежит сердце. Через два часа этот сильный припадок прошел, но лихорадочный жар усилился; стала чаще являться склонность к бреду, которую его величество все еще мог преодолевать; кожа сухая; извержение грудной слизи желто-бурое, обильное и с большим усилием; пульс оставался неправильным, впрочем мягким и неполным"¹³. В этот день к лечащим врачам Мандту и Карелю присоединяется еще один лейб-медик И. Енохин (лечащий врач цесаревича). Биограф Александра II С. Татищев упоминает о том, что медики сообщили цесаревичу о возможности "паралича сердца"¹⁴. В этот же день Л.В. Дубельт записал: "Разнесся смутный слух о болезни государя императора и произвел всеобщее, как видно, и искреннее прискорбное впечатление"¹⁵.

С 17 февраля стали появляться бюллетени за подписями лейб-медиков Мандта, Енохина и Кареля. Всего вышло 4 бюллетеня. Они не публиковались в газетах, а вывешивались для всеобщего обозрения во дворце. В первом из них говорилось, что

"болезнь его императорского величества началась легким гриппом; с 10-го же февраля, при слабых подагрических припадках, обнаружилась лихорадка. Вчера, с появлением страдания в правом легком, лихорадка была довольно сильна, и извержение легочной мокроты свободнее". Второй бюллетень вышел в 23 часа этого же дня. В нем сообщалось, что "лихорадка его величества к вечеру усилилась"¹⁶. Третий бюллетень датирован четырьмя часами пополудни 18 февраля: "Затруднительное отделение мокрот, коим страдал вчера государь император, усилилось, что доказывает ослабевающую деятельность легких и делает состояние его величества весьма опасным". Четвертый бюллетень датирован девятью часами утра 18 февраля, т.е. за 3 часа до момента смерти царя: "Угрожающее его величеству параличное состояние легких продолжается и вместе с тем происходящая от того опасность"¹⁷.

Мемуаристы оставили подробные описания событий этого дня. Особо значимы записи, сделанные непосредственно по следам событий. Например, А.Ф. Тютчева записала в дневнике 19 февраля 1855 г., на следующий день после смерти императора: «17 февраля я по своему обыкновению к 9 часам утра спустилась к цесаревне... Я застала ее очень озабоченной - император неделю как болен гриппом, не представлявшим вначале никаких серьезных симптомов; но, чувствуя себя уже нездоровым, вопреки совету доктора Мандта настоял на том, чтобы поехать в Манеж произвести смотр полку, отъезжавшему на войну, и проститься с ним. Мандт сказал ему: "Ваше величество, мой долг предупредить Вас, что Вы очень сильно рискуете, подвергая себя холоду в том состоянии, в каком находятся Ваши легкие". "Дорогой Мандт, - возразил государь, - вы исполнили ваш долг, предупредив меня, а я исполню свой и прошусь с этими доблестными солдатами, которые уезжают, чтобы защитить нас". Он отправился в Манеж и, вернувшись оттуда, слег. До сих пор болезнь государя держали в тайне. До 17-го даже петербургское общество ничего о ней не знало, а во дворце ею были мало обеспокоены, считая лишь легким нездоровьем. Поэтому беспокойство великой княгини удивило меня. Она мне сказала, что уже накануне Мандт объявил положение императора серьезным. В эту минуту вошел цесаревич и сказал великой княгине, что доктор Карель сильно встревожен. Мандт же, наоборот, не допускает непосредственной опасности. "Тем не менее, - добавил великий князь, - нужно будет позаботиться об опубликовании бюллетеней, чтобы публика была осведомлена о положении"». В тот же день около 22 часов А.Ф. Тютчева узнала от камеристки, что "состояние здоровья императора, по-видимому, ухудшилось... и что великая княгиня Мария Николаевна, которая проводит ночь при отце, каждый час присылает бюллетени о здоровье императора"¹⁸.

Говоря о медицинском диагнозе, Тютчева упоминает, что Мандт говорил о "поднимающейся подагре, воспалении в легком". «Когда ходили узнавать об августейшем больном, получали ответ "Все в одном положении", бюллетеней не было», - вспоминала баронесса М.П. Фредерике. Окружающие пытались расспрашивать медиков, но они отделялись ничего не значащими объяснениями. "Отчего Мандт нас обманывал в эту минуту, один Бог ведает. Мы в ужасном состоянии, видим и чувствуем, что этот страшный человек нам нагло говорит неправду"¹⁹. К вечеру 17 февраля ситуация очень осложнилась, по циркулировавшим по дворцу слухам, "подагра поднималась, паралич легких был неминуем"²⁰.

Окончательно картина определилась в ночь с 17 на 18 февраля: "В три часа ночи на 18 февраля, при сделанном исследовании впервые оказались в нижней доле правого легкого явные признаки начинавшегося паралича. Извержение мокроты за несколько уже перед тем часов сделалось гораздо затруднительнее; большой палец на ноге оставался по-прежнему нечувствителен, а кожа сухою. Появление этих опасных признаков возвестило безнадежность положения государя. Между тем головной боли и никаких нервических припадков вовсе не было; сознание совершенно ясное; даже дыхание меньше затруднительное, хотя развитие паралича в легких, по направлению снизу вверх, продолжало распространяться"²¹. Л.В. Дубельт записал в этот день: "Государь император не лучше, болезнь его приняла опасный оборот"²².

Граф П.Д. Киселев пишет, что 17 февраля он "поехал во дворец, дабы от камердинера узнать о состоянии его величества... Государь очень жалуется на боль в боку, худо почивал, много кашлял, а теперь успокоился. На другой день, т.е. в пятницу, я послал во дворец за бюллетенем, - мне привезли копию под № 3, который изумил меня и растревожил", Киселев немедленно отправился во дворец, где узнал, что император "находится в безнадежном состоянии, что он исповедовался и приобщился, призвал дочерей и внуков, простился с императрицей"²³. В ту ночь при умирающем царе оставались только императрица, цесаревич и Мандт. Мемуаристы в один голос утверждают, что сознание ни на минуту не покидало умирающего царя. По словам А.Ф. Тютчевой, до часа ночи того дня, когда скончался царь, он не сознавал опасности и так же, как и все окружающие, смотрел на свою болезнь как на преходящее нездоровье.

«Около трех часов ночи, - записал в дневнике Л.В. Дубельт, - государь спросил доктора Мандта: "Скажите мне откровенно, какая у меня болезнь? Вы знаете, что и прежде я всегда вам приказывал предупреждать меня вовремя, если заболел тяжело, чтоб не упустить исполнения христианского долга". - "Не могу скрыть перед Вашим Величеством, что болезнь Ваша становится серьезною; у Вас поражено правое легкое". - "Вы хотите сказать, что ему угрожает паралич?" - "Если болезнь не уступит нашим усилиям, то, конечно, это может последовать; но мы того еще не видим и не теряем надежды на Ваше выздоровление". - "А, теперь я понимаю мое положение, теперь я знаю, что мне делать". Отпустив доктора, государь позвал наследника и спокойно сообщил ему о безнадежности своего положения»²⁴. Характер записей говорит о том, что даже шеф жандармов на момент смерти императора не имел четкого представления о характере его болезни. Картина восстанавливалась уже после смерти царя, что, видимо, было связано с подготовкой к печати отчета о ходе его болезни. Заболевание не воспринималось всерьез даже в ближайшем окружении Николая Павловича. Окончательный прогноз развития болезни был определен лишь в три часа ночи 18 февраля.

Приведенные выше диалоги с небольшими изменениями были напечатаны в официальном издании "Последние часы жизни императора Николая Первого". О смерти царя сообщалось: «В два часа ночи лейб-медик, которого покойный государь удостаивал особой доверенности, потеряв надежду даже и на кратковременное продолжение жизни больного... решился объявить всю истину самому умирающему... "Что вы нашли во мне своим стетоскопом? Каверны?" - "Нет, - отвечал лейб-медик, - но начало паралича в легких"»²⁵. Об этом же эпизоде упоминает и А.Ф. Тютчева, называя то же время (2 часа ночи): «Мандт приложил стетоскоп к его груди и стал выслушивать. "Плохо, Ваше величество", - сказал врач. — "В чем же дело, - спросил государь, - образовалась новая каверна?" - "Хуже, Ваше величество". - "Что же?" - "Начинается паралич". - "Так это смерть?" Мандт рассказывает, что несколько мгновений он не мог произнести ни слова, потом сказал: "Ваше величество, вы имеете перед собой несколько часов"». Впоследствии фрейлина уточнила, что большинство подробностей, связанных со смертью царя, она "узнала от самой цесаревны"²⁶.

18 февраля в 5 часов утра император сам продиктовал депешу в Москву, в которой сообщал, что умирает, и попрощался с древней столицей. Утром состояние царя продолжало ухудшаться. «Наступил паралич легких, и по мере того, как он усиливался, дыхание становилось более стесненным и более хриплым. Император спросил Мандта: "Долго ли еще продлится эта отвратительная музыка?" Затем он прибавил: "Если это начало конца, это очень тяжело. Я не думал, что так трудно умирать"»²⁷. Очевидцы в один голос утверждали, что агония царя была очень мучительной. А между тем в официальной версии указывалось, что кончина была спокойной и безболезненной.

В 8 часов утра над императором читали отходную. Однако в бюллетене на 9 часов утра сведения сообщались относительно спокойные. В 10 часов император потерял

дар речи. 18 февраля 1855 г. в 20 минут после полудня Николай Павлович умер²⁸. Официальный медицинский диагноз гласил: паралич легких.

По описаниям современников, горожане достаточно бурно реагировали на внезапную смерть царя: "Народ увидел тут неестественную смерть, и толпы бросились к Зимнему дворцу, требуя на расправу врача Мандта. Последнего успели спасти; он скрылся из Зимнего дворца задними ходами. Мандту угрожала неминуемая опасность быть разорванным на клочки народом"²⁹. В тот же день Л.В. Дубельт записал: «В народе слышны были еще жалобы на докторов: "Отдали бы их нам, мы бы разорвали их!"»³⁰

О своих похоронах император позаботился сам. Он требовал, чтобы погребение его было совершенно по возможности с наименьшей роскошью³¹. Вызывают сомнения утверждения некоторых мемуаристов, что император сам определил "систему" бальзамирования своего тела. Фактом является то, что бальзамирование было сделано неудачно. По свидетельству А.Ф. Тютчевой, "пришлось закрывать лицо государю. Говорят, что оно сильно распухло. Бальзамирование произведено неудачно, и тело начинает разлагаться. Запах был очень ощутителен". На следующий день, 22 февраля она записала: "Сегодня вечером на панихиде запах был нестерпим. Тело в полном разложении, а народ волнуется"³². Кн. В.А. Черкасский сообщал М.П. Погодину, что "бальзамирование тела, к несчастью, вовсе не удалось и гроб закрыт. Народ пускают к закрытому гробу. Это достойно всякого сожаления"³³.

Поскольку бальзамирование было выполнено неудачно, и народ простился с императором, лежащим в закрытом гробу, что только подогревало циркулирующие по городу слухи, 24 февраля 1855 г. Медицинский департамент Военного министерства затребовал от придворной аптеки рецепты, "по коим отпускаемы были жидкости для бальзамирования тела в Бозе почивающего императора Николая Павловича". Министр императорского двора, получив рецепты, поручил управляющему придворной медицинской частью М. Маркусу "собрать лучших находящихся здесь хирургов и предложить им на рассмотрение акт бальзамирования". На следующий день рецепты были возвращены³⁴. Видимо, медики не нашли в действиях прозектора В.Л. Грубера никаких нарушений. Это единственные обнаруженные мной в архиве документы, относящиеся к медицинской стороне смерти императора.

Высшим чином придворной медицинской части были выданы билеты на пропуск в ворота Петропавловской крепости. Обращает на себя внимание отсутствие в этом списке лейб-медиков Мандта и Кареля. Видимо, они были удалены с глаз публики, так как слишком многие возлагали на них ответственность за скоростижную смерть императора³⁵.

Говоря о слухах, надо отметить, что они, как это обычно и бывает в подобных ситуациях, начали распространяться в Петербурге практически одновременно со смертью царя. А.Ф. Тютчева пишет в дневнике как одна из фрейлин, А. Блудова, говорила о том, что "необходимо уговорить государя немедленно опубликовать подробности смерти императора Николая Павловича, так как в народе уже ходит множество слухов, волнующих массы и могущих привести к беспорядкам... Говорят об отравлении, уверяют, что партия, враждебная войне, хотела отделаться от императора, обвиняют Мандта, которому давно не доверяют, — одним словом, тысячи нелепых слухов"³⁶. Именно для того, чтобы пресечь их распространение, 24 и 26 февраля и были "опубликованы подробности смерти покойного императора".

Внезапная смерть царя породила в различных слоях общества множество вопросов. Начался процесс мифотворчества, первой волной которого стали разговоры, возлагавшие вину за смерть царя на придворных лейб-медиков. Например, кн. В.П. Мещерский писал: "Говорили о том, что виноваты были неискусные при императоре врачи, старик Мандт и медик наследника Карель; винили обоих, что они не прибегли к помощи более авторитетных врачей; но дело в том, что сам умерший император отдался с полным доверием своим врачам и не позволял никаких других медицинских вмешательств. Мандт не имел ни авторитета, ни практики... Всегда здоровый импе-

ратор Николай I был плохой для него практикой, а в городе он не пользовался доверием. Про Кареля можно было сказать то же самое. В то время были две знаменитости в Петербурге: как консультант по внутренним болезням, прекрасный врач и еще более прекрасный человек Арендт и, как хирург, Пирогов³⁷. Вел. княгиня Мария Павловна прямо обвиняла М. Мандта в убийстве императора. Об этом же писала М.П. Фредерике: "Государю во время его последней болезни Мандт приносил свои порошки в кармане. Других медиков он не подпускал во время этой же болезни, уверяя до последней минуты, что опасности нет. При нем был ассистент, второй лейб-медик его величества доктор Карель, но перед Мандтом он не смел пикнуть, будучи в то время еще довольно молод и неопытен в придворной жизни. Все эти отношения Мандта дали повод впоследствии к разным толкам"³⁸. Информированный и близкий к трону кн. В.П. Мещерский писал: "Процесс разрушения шел так быстро, и оттого немедленно после этой почти внезапной кончины по всему городу пошли ходить легенды: одна о том, что Николай I был отравлен его доктором Мандтом и другая, - о том, что он сам себя отравил"³⁹.

Слухи о самоубийстве царя циркулировали и в медицинских кругах столицы. Об этом упоминает доктор А.В. Пеликан, внук директора Медицинского департамента и начальника Медико-хирургической академии В.В. Пеликана. В воспоминаниях, опубликованных после отмены цензурных ограничений на подобные сюжеты, он писал: "Впоследствии я не слышал его историю. По словам деда, Мандт дал желавшему во что бы то ни стало покончить с собою Николаю яду. Обстоятельства эти хорошо известны деду благодаря близости к Мандту, а также благодаря тому, что деду из-за этого пришлось перенести кой-какие служебные неприятности. Незадолго до кончины Николая I профессором анатомии в академию был приглашен из Вены прозектор знаменитого тамошнего профессора Гиртля, тоже знаменитый анатом Венцель Грубер. По указанию деда, который в момент смерти Николая Павловича соединял в своем лице должности директора военно-медицинского департамента и президента Медико-хирургической академии, Груберу было поручено бальзамирование тела усопшего императора. Несмотря на свою большую ученость, Грубер в житейском отношении был человек весьма недалекий, наивный, не от мира сего. О вскрытии тела покойного императора он не преминул составить протокол и, найдя протокол этот интересным в судебно-медицинском отношении, напечатал его в Германии. За это он был посажен в Петропавловскую крепость, где и содержался некоторое время, пока заступникам его не удалось установить в данном случае простоту сердечную и отсутствие всякой задней мысли. Деду, как бывшему тогда начальником злополучного анатома, пришлось оправдываться в неосмотрительной рекомендации... Петербургское общество, следуя примеру Двора, закрыло перед Мандтом двери... Многие из нас порицали Мандта за уступку требованиям императора... По его (деда. - *И.З.*) словам, отказать Николаю в его требовании никто бы не осмелился. Да такой отказ привел бы еще к большему скандалу. Самовластный император достиг бы своей цели и без помощи Мандта: он нашел бы иной способ покончить с собой и, возможно, более заметный. Николаю не оставалось ничего другого, как выбрать... подписать унижительный мир... или же покончить жизнь самоубийством"⁴⁰. Надо добавить, что Венцеслав Леопольдович Грубер (1814-1890) впоследствии стал заведующим кафедрой практической анатомии Медико-хирургической академии и за свою жизнь провел более 10 тыс. вскрытий⁴¹. Мнение Пеликана подтверждается также тем, что медикам, находившимся около умирающих венценосцев, как правило, карьеры не ломали, и они продолжали занимать заметное положение в обществе. М.М. Мандт же предпочел немедленно возвратиться в Германию, где и умер в 1858 г.

После отмены цензурных ограничений стало известно и о многозначительной помете историка XIX в. Н.К. Шильдера на полях одной из книг. Шильдер, которому симпатизировал император Александр III, был весьма информирован, он имел возможность работать в тех архивах, куда не было доступа другим историкам. На полях

книги, в которой передавалась официальная версия смерти царя, он написал: "Отравился". Ему, очевидно, была доступна также и устная информация, связанная с этими событиями. Е.В. Тарле замечает, что "если он, очень осторожный, объективный и скрупулезно добросовестный, весьма критически настроенный исследователь, пришел к такому категорическому умозаключению и полностью отверг казенную версию, то уже это одно показывает, что дело с этим официальным изложением очень неладно".

Из современных исследователей, затрагивавших этот вопрос, интересные сведения сообщает В. Николаев, биограф Александра П. Версию о самоубийстве он подтверждает следующей информацией: «Доктор Н.К. Мосолов из Намибии написал мне о загадочной кончине Николая I: "В наших семейных преданиях говорится, что Николай I, не выдержав позора поражения в Крымской войне, отравился и что мой прадед, доктор Боссе, вскрыв труп, воскликнул: "Какой сильный яд!", но ему было приказано молчать об этом". Несколько придворных врачей, среди которых был доктор Мандт, специалист по внутренним болезням, который лечил императора Николая I, подписали, однако, заключение о естественной смерти царя. Среди этих придворных врачей я не нашел имени доктора Боссе, который, однако, был весьма близок к сыновьям Николая - великим князьям Михаилу Николаевичу и Николаю Николаевичу, он несколько раз путешествовал с ними по России и за границей. Конечно, будучи их советником и другом, доктор Боссе мог знать о подлинной причине смерти царя»⁴². Имена тех, кто занимался вскрытием, кроме прозектора В.Л. Грубера, нам неизвестны, но эту процедуру совершают, как правило, несколько врачей, и доктор медицины К.Ф. Боссе (1806-1857) мог как лейб-хирург находится среди них⁴³.

Смерть Николая I стала неким рубежом, расколовшим XIX век на две половины. Л.В. Дубельт писал: "Боже мой! Не стало нашего государя Николая Павловича! Плач всеобщий, всеобщее изумление - никто не верит, чтоб этот дуб телом и душою, этот великан так внезапно свалился!... Удар неожиданный, никто не подозревал, что недуг его принял опасное направление. Скорбь так велика, что описывать ее дело невозможное"⁴⁴. В воспоминаниях камер-юнгферы императрицы Марии Александровны А.И. Яковлевой также говорится о том, что "кончина императора Николая Павловича была для всех совершенно неожиданной, почти до последнего дня надеялись на его выздоровление, т.к. здоровье его всегда считалось несокрушимым"⁴⁵.

Таким образом, можно говорить о нескольких версиях кончины императора: 1. Официальной - смерть от "паралича легких"; 2. Смерть в результате соматических причин, связанных со стрессовой ситуацией и желанием уйти из жизни, наложившихся на простудное заболевание; 3. Смерть в результате отравления при помощи лейб-медика М. Мандта.

Несмотря на то, что при разборе этих версий возможны только гипотетические построения, хотелось бы все же высказать некоторые соображения о том, что произошло в феврале 1855 г. Возможно, смерть Николая I и была добровольным уходом из жизни. Но это не обязательно могло быть связано с отравлением. Большинство болезней носит соматический характер, и нежелание царя не только бороться с недугом, но и жить вообще на фоне сильнейшего стресса, безусловно, могло привести к трагическому финалу. Однако нельзя исключить и версии о самоубийстве императора. Суммирую аргументы в ее пользу: немедленный отъезд М.М. Мандта из России; воспоминания хорошо информированного А.В. Пеликана о самоубийстве царя; обвальный характер заболевания, буквально за несколько часов приведший к летальному исходу; неудачное бальзамирование и быстрое разложение тела царя; мнение Н.К. Шильдера; отсутствие протокола вскрытия, где были бы приведены объективные медицинские данные, связанные со смертью императора.

Смерть Николая I оказалась тесно связанной с именем лейб-медика М.М. Мандта, поэтому его личность заслуживает особого внимания. Его фигура и карьера были характерны для России середины XIX в. Мартын Мартынович Мандт родился в 1800 г. в Пруссии в семье хирурга. Учился медицине в различных университетах, в том числе и

в Берлинском. Стал доктором медицины в 1822 г. и в 1830 г. был избран ординарным профессором хирургии в Грейсвальденском университете. В 1835 г. сопровождал великую княжну Елену Павловну в поездке на минеральные воды и затем стал ее постоянным врачом, а в 1840 г. - действительным статским советником и лейб-медиком-консультантом Николая I⁴⁶. Это место он занимал вплоть до смерти императора в феврале 1855 г.

26 ноября 1840 г. граф П.А. Клейнмихель сообщил президенту Медико-хирургической академии о желании императора, чтобы Мандт занимался практикой со студентами 5-го курса. По мысли Мандта, они должны были распространять учение своего наставника, так называемую атомистическую теорию. Свои профессорские обязанности Мандт исполнял бесплатно, получая как лейб-медик колоссальное жалование в размере 19 тыс. руб. ассигнациями. Будучи по сути первым лейб-медиком-гомеопатом, Мандт отказался от сложной рецептуры и уменьшил дозы лекарственных веществ. Он настолько убедил императора в действенности своей теории, что по высочайшему повелению военные врачи должны были на смотрах и учениях носить на перевязи особые сумки с "атомистическими" лекарствами для подачи первой помощи заболевшим нижним чинам⁴⁷. Его брошюра на немецком языке, в которой была изложена эта теория, по приказанию Николая I была переведена на русский язык и разослана при циркуляре Генерального штаба для руководства во все военные госпитали.

Гомеопатические методы использовались не только в армии и царской семье. М.М. Мандт, по свидетельству современников, имел обширную частную практику в аристократической среде. Он использовал также лечение голодом. Как писала баронесса М.П. Фредерике, "кроме водяного отвара и блюда картофеля или моркови, вареных на воде, он ничего не позволял есть, давая притом порошки, приготовленные большею частью им самим, особенно для пациентов, к которым он благоволил и которые нужны были ему для его целей, а что цель у него была, это, пожалуй, верно"⁴⁸. Пока М.М. Мандт являлся лейб-медиком императора, его теория считалась общепризнанной и не подлежала критике, но после смерти Николая I она была немедленно развенчана. В 1856 г. для оценки лечения по "атомистической методе" была учреждена по повелению Александра II специальная комиссия, в которую вошли профессор Здекауер и Экк. Неблагоприятное заключение комиссии моментально похоронило саму "методу". В этом эпизоде обращает на себя внимание уровень принятия, казалось бы, сугубо медицинских решений. Как распространение, так и прекращение существования "атомистической теории" было связано с высочайшими решениями.

Описания внешности и характера Мандта были оставлены различными мемуаристами. А.В. Пеликан пишет, что "Мандт был человек весьма привлекательный, с изящными манерами, которые так часто встречались тогда у врачей иностранного происхождения... Говорил он исключительно по-французски и по-немецки"⁴⁹. Исследователи-врачи конца XIX в. отмечали, что "Мандт был, несомненно, талантливый человек, с независимым и сильным характером... Н.И. Пирогов, познакомившийся с ним еще до его приезда в Россию и потом встречавшийся с ним в Петербурге, считает его недюжинным человеком, отмечая вместе с тем нелестные стороны его характера: тщеславие, карьеризм, несправедливую резкость в суждениях о других"⁵⁰.

У баронессы М.П. Фредерике остались иные впечатления от врача: "Он своим умом сумел обратить на себя внимание императора Николая Павловича. Сперва Мандта позвали лечить императрицу; как оказалось, его пользование оказалось удачно, этим он приобрел доверие государя как медик и был взят к высочайшему двору лейб-медиком государыни императрицы. Потом мало-помалу стал давать медицинские советы и государю, перешел в лейб-медики его величества и в конце концов сделался необходимым лицом у государя, сопровождал его величество в путешествиях, заменив уже престарелого Н.А. Арндта. Доверие государя к Мандту все

более и более росло, и наконец своим умением вкрадываться в человека он достиг звания друга государя. Мандт был действительно нечто необыкновенное. Ума был редкого, выдающегося, что и привлекало к нему Николая Павловича. Но хитрость его была тоже выходящая из ряда вон, и умение ее скрывать было тоже необыкновенное. Он был один из таких людей, которых или ненавидели, или обожали. Он вторгался положительно в людей и делал из своих поклонников и поклонниц -особенно из тех, которые могли приносить ему личную пользу, - свои инструменты для разных интриг"⁵¹.

Еще более интригующим выглядит описание баронессой внешности лейб-медика: "Наружность Мандт имел совершенно мефистофельскую; голова его была маленькая, продолговатая, змеевидная, огромный орлиный нос и пронизательный взгляд исподлобья, смех его был неприятный. При всем этом он хромал, ну, ни дать, ни взять -Мефистофель, да и только. Для меня эта личность имела всегда что-то отталкивающее, я просто-напросто боялась его. Но во мне это возбуждало тяжелое чувство... В настоящее время ему бы приписали силу внушения, но тогда об этой силе еще не было и речи. Припоминая внушительный взгляд Мандта и своеобразное ударение пальцем по столу, когда он хотел что-нибудь доказать, смотря несколько секунд упорно вам в глаза, то невольно приходишь к мысли, что действительно Мандт обладал громадною силой внушения, притом он был и магнетизер. Странная, загадочная личность был этот человек"⁵².

Сложно сказать, в какой мере на столь колоритные ретроспективные оценки повлияли слухи о роли Мандта в смерти Николая I. Во всяком случае сама репутация лейб-медика и окружавший его ореол таинственности, вероятно, способствовали распространению таких слухов. Обстоятельства кончины Николая Павловича стали звеном в той цепи легенд, которые сопутствовали жизни и смерти многих российских монархов.

Примечания

- ¹ Дубельт Л.В. Заметки и дневники//Российский архив. Вып. VI. М, 1995. С. 233.
- ² Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. М., 1990. С. 79.
- ³ Соколов И. Воспоминания о государе Николае Павловиче//Русский архив. 1886. Кн. 1. С. 211.
- ⁴ Т а р л е Е.В. Крымская война // Собрание сочинений. Т. IX. Ч. П. М., 1959. С. 234.
- ⁵ Последние минуты в Бозе почившего императора Николая Павловича // Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 42. 24 февраля.
- ⁶ РГИА, ф. 958, оп. 1, д. 762.
- ⁷ Описание хода болезни в Бозе почившего императора Николая Павловича // Северная пчела. 1855. № 44.26 февраля.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Татищев С. Император Александр II. Т. 1. СПб., 1903. С. 133.
- ¹⁰ Описание хода болезни... // Северная пчела. 1855. № 44.
- ¹¹ Мещерский В.П. Мои воспоминания. Ч. 1. 1850-1865. СПб., 1897. С. 35.
- ¹² Описание хода болезни... // Северная пчела. 1855. № 44.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Татищев С. Указ. соч. Т. 1. С. 135.
- ¹⁵ Дубельт Л.В. Указ. соч. С. 238.
- ¹⁶ Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. XIII. СПб., 1899. С. 384.
- ¹⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 37. 18 февраля.
- ¹⁸ Т ю т ч е в а А.Ф. Указ. соч. С. 81-82.
- ¹⁹ Фредерике М.П. Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерике // Исторический вестник. 1898. № 2. С. 476, 478.
- ²⁰ Тютчева А.Ф. Указ. соч. С. 82.
- ²¹ Описание хода болезни... // Северная пчела. 1855. № 44.
- ²² Дубельт Л.В. Указ. соч. С. 269.
- ²³ РГИА, ф. 958, оп. 1, д. 762, л. 1-2.
- ²⁴ Дубельт Л.В. Указ. соч. С. 272-274.

- ²⁵ Последние часы жизни императора Николая Первого. СПб., 1855. С. 12-14.
- ²⁶ Тютчева А.Ф. Указ. соч. С. 89-90.
- ²⁷ Там же. С. 86.
- ²⁸ Татищев С. Указ. соч. Т. 1. С. 135.
- ²⁹ Фредерике М.П. Указ. соч. С. 481.
- ³⁰ Дубельт Л.В. Указ. соч. С. 269.
- ³¹ Барсуков Н. Указ. соч. Кн. XIII. С. 388.
- ³² Тютчева А.Ф. Указ. соч. С. 96.
- ³³ Барсуков Н. Указ. соч. Кн. XIII. С. 393.
- ³⁴ РГИА, ф. 479, оп. 1, д. 741, л. 2, 6.
- ³⁵ Там же, д. 742, л. 5.
- ³⁶ Тютчева А.Ф. Указ. соч. С. 94-97.
- ³⁷ Мещерский В.П. Указ. соч. Ч. 1. С. 36.
- ³⁸ Фредерике М.П. Указ. соч. С. 481.
- ³⁹ Мещерский В.П. Указ. соч. Ч. 1. С. 36.
- ⁴⁰ Пеликан. Во второй половине XIX века // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 119.
- ⁴¹ Профессора Военно-медицинской (медико-хирургической) академии. 1798—1998. СПб., 1998. С. 50.
- ⁴² Николаев В. Александр II - человек на престоле. Мюнхен, 1986. С. 223.
- ⁴³ Нахапетов Б.А. Лейб-медики российских императоров // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 111.
- ⁴⁴ Дубельт Л.В. Указ. соч. С. 140.
- ⁴⁵ Яковлева А.И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Исторический вестник. 1888. № 2. С. 413.
- ⁴⁶ Профессора Военно-медицинской (медико-хирургической) академии. С. 126.
- ⁴⁷ Шмигельский. М. Исторический очерк кафедры госпитальной терапевтической клиники императорской Военно-медицинской академии (1840-1897 гг.). Дис. на степень докт. медицины. СПб., 1897. С. 89.
- ⁴⁸ Фредерике М.П. Указ. соч. С. 481.
- ⁴⁹ П е л и к а н. Указ. соч. С. 118-119. ⁵⁰ Шмигельский М. Указ. соч. С. 86.
- ⁵¹ Фредерике М.П. Указ. соч. С. 481.
- ⁵² Там же.

© 2001 г. Д.О. ЧУРАКОВ *

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ РАБОЧИХ В 1918 ГОДУ

Проблематика рабочего протестного активизма¹ в период становления и развития Советского государства представляет собой немалый интерес. В последние годы, по мере развития еще немногочисленных очагов современного рабочего движения, она приобретает и общественную значимость, и актуальность. Как известно, в СССР рабочий класс являлся "титულным" классом, но несмотря на это в отношениях между ним и Советской властью периодически наступали периоды охлаждения. Каким образом большевикам удавалось преодолеть их? Этот вопрос звучит очень современно, поскольку сегодня взаимосвязи между государством и его гражданами и целыми социальными группами слабы и как никогда близки к полному разрыву. Что может последовать за этим в условиях России, достаточно очевидно.

К сожалению, проблема рабочего активизма в советский период исторической наукой исследована явно не достаточно. Советские историки, как правило, касались этой

***Чураков Дмитрий Олегович**, кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического государственного университета.